

Археология Амура: опыт интерпретации изображения двойной череповидной личины петроглифов Сикачи-Аляна

З. С. Лапшина

кандидат исторических наук, докторант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук. Россия, г. Владивосток; доцент кафедры церковно-практических и исторических дисциплин, Хабаровская духовная семинария. Россия, г. Хабаровск. ORCID: 0000-0002-4283-7365. E-mail: Lapshinazoy@gmail.com

Аннотация. Возле селений Сикачи-Аляни Малышево в Хабаровском крае находится памятник петроглифов, занимающий центральное место по количеству (более 200) и разнообразию рисунков. Первые печатные сообщения о нем появились в конце XIX в. Древние рисунки привлекали внимание отечественных и зарубежных ученых. Целенаправленное изучение петроглифов проводилось отрядом Дальневосточной археологической экспедиции во второй половине XX в.: был создан фундамент знаний по наскальному искусству Амура. Научные интересы автора сосредоточены на исследованиях нижнеамурских петроглифов. Предмет изучения – двойная личина на камне № 62. Цель статьи – описание двойной личины и интерпретация ее смыслового содержания. Методы исследования: культурно-исторический, а также авторский прием иконографии рисунков нижнеамурских личин, апробированный в течение более десятка лет. В итоге создана концепция о двойной череповидной личине как художественном образе двух мифических рожаниц, причастных к расположенной на камне трехчастной идеограмме «столб людоеда». Последняя включает маску верховного духа, вторую позицию занимает изучаемая нами двойная личина, третья позиция принадлежит изображению личины жертвы обряда. Череповидный и устрашающий вид рожаниц свидетельствует об их перемещении из небесной сферы космоса, где они были дарительницами жизни, в подземную, где стали выполнять функции владычиц преисподней, поглотителей душ умерших, их перерождения. В процессе перехода от материнского рода к отцовскому, рожаницы стали частью идеологии тайной мужской социальной группы, сформировавшей представления о нижнем мире и неизбежности смерти, а также мифологию трехчастного «столба людоеда». Четырнадцать комплексов подобного содержания выделены автором в Сикачи-Аляне, Шереметьеве, на реке Кия. Двойные череповидные рожаницы в качестве составной части идеограммы обнаружены лишь на камне № 62.

Ключевые слова: иконографический анализ, двойные рожаницы, мифологический персонаж, идеограмма «столб людоеда».

Введение. Наскальное искусство Нижнего Приамурья изучается с 60-х гг. XIX в. по настоящее время. В числе первооткрывателей полковник генштаба В. Л. Альфтан, член Хабаровского отделения ИРГО П. И. Ветлицын. Петр Ветлугин осматривал рисунки в 1890 и 1895 гг., он назвал их малышевскими, позднее их стали чаще называть сикачи-альянскими [1; 3, с. 17]. Среди тех, кто проявил к ним научный интерес, этнограф и археолог А. М. Золотарев, американский антрополог Б. Лауфер и др. [4, с. 7–8; 16, с. 749–750]. Основные полевые исследования по выявлению всей совокупности памятников петроглифов на территории Хабаровского края, их топографии, подробной фиксации (калькирование, эстампаж, фотографирование, прорисовки) и описанию проведены в 60–70-е гг. XX в. археологами отряда Дальневосточной археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Помимо полевых работ, проведены научные исследования по интерпретации источников и публикации материалов [10; 11].

Предыстория проблемы исследования. Первыми специалистами, работавшими над описанием наскальных изображений памятников Амура, были А. П. Окладников и сотрудники Института археологии и этнографии СО АН СССР. Первый опыт системного исследования петроглифов памятника Сикачи-Алян А. П. Окладников представил в книге «Лики Древнего Аму-

ра». Изучаемое нами изображение описано под № 7 и названо «личиной... наиболее сложной из всех», автор писал на с. 28–29: «это типично "обезьянья" голова, широкая сверху с огромными круглыми глазами, двумя маленькими ноздрями под ними и огромным ртом, образованным двумя слипшимися кружками. Над глазами на месте лба выбит треугольник. Над головой высоко возвышаются два выступа – как бы рога, заканчивающиеся спиралевидными завитками с кружками внутри...». Из текста видно, что она не воспринималась автором как двойная личина и описана отдельно от других изображений на том же валуне [10, с. 28–29]. Монография «Петроглифы Нижнего Амура» посвящена всем изученным до 1970 г. памятникам. Здесь использована иная система описания рисунков, в основе которой лежит презентация каждой каменной глыбы и всех рисунков и знаков на ней. Так как данный рисунок относится к камню № 62 (табл. 68–70), подробно описаны рисунок 1, он назван трехмерным изображением с использованием выпуклого рельефа глыбы; рисунок 2 – глубоко выбитый концентрический круг, рисунок 3 – «частично пострадавшая от выветривания личина». Изучаемый нами рисунок получил номер 4: «расположен также, как и рис. 1, на выпуклости глыбы и производит такое же объемное, скульптурное впечатление». В этом издании рисунок описан как две «обезьяньи» личины, одна над другой [11, с. 35–36, табл. 68–70]. Они не названы двойной личиной, и в целом все рисунки представлены как отдельные изображения без связи друг с другом.

В нашем исследовании рисунок 4 на камне № 62 представлен и описан как двойная личина в едином алгоритме, применяемом ко всем рисункам личин. Указанный подход предусматривает описание каменной глыбы, внутреннего и внешнего состава рисунка, художественного образа композиции и тематического содержания, связи с другими изображениями на этом камне [6]. Первичное описание они получили в монографии «Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури». Издание посвящено описанию личин амуро-уссурйских петроглифов, относящихся к трем сферам архаического космоса [7, с. 64–68; 8, с. 122–124]. В первичной трактовке личина рассматривалась как одиночное локальное изображение. В соответствии с определенным набором признаков она была отнесена к низшим духам земной сферы и представлена как «устрашающая череповидная антропоморфная личина, на голове которой угнездилась некая сущность, возможно, это дух – помощник» [8, с. 124]. В дальнейшем этот рисунок получает новую разработку после вовлечения в анализ всех рисунков композиции на камне № 62. Он рассматривается как двойная череповидная личина в составе комплекса идеограммы «столб людоеда». Личина занимает второе место после центрального персонажа (череповидной устрашающей личины 1) и выполняет функцию помощника верховного духа каннибала (рис. 1 а). Изображения на камне № 62 составили комплекс VI из десяти, выделенных на памятнике Сикачи-Алян-Мальшево [9, с. 161–164]. В продолжении разработки образа двойной личины в предлагаемой статье она рассматривается как изображение двух рожаниц, хозяйек нижнего мира, переместившихся в преисподнюю по мере формирования мифологических представлений о третьей сфере мироздания.

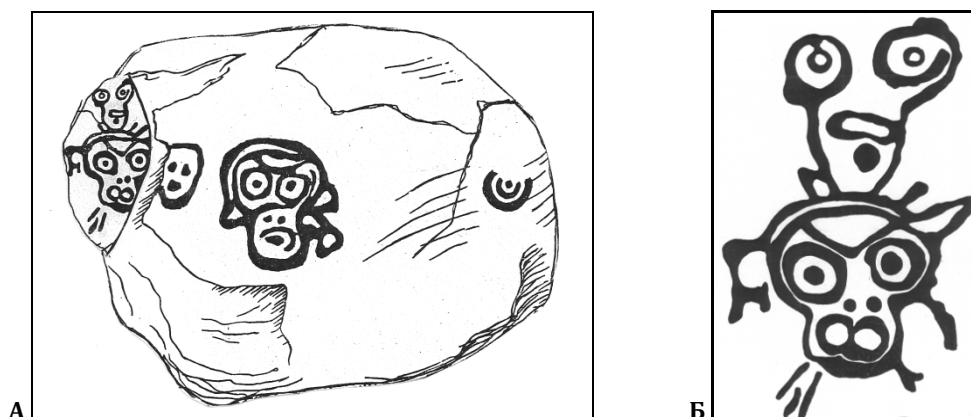

Рис. 1. Сикачи-Алян. А – схема расположения рисунков на камне № 62;
Б – двойная череповидная личина (по Окладников, 1971).

Описание рисунка двойной личины 4 на камне № 62 (рис. 1 б). Второй пункт памятника Сикачи-Алян расположен между нанайским селом Сикачи-Алян и русским селением Мальшево. Занимает каменную косу в устье ручья, сложенную галечником и крупнозернистым

песком, заросшую кустарником. Нумерация изображений соответствует той, что имеется в монографии А. П. Окладникова [11]. *Описание камня № 62 и расположение на нем рисунка 4.* Камень занимает место посередине седловидного участка гряды глыб. Он имеет пористую заветрелую поверхность, изображения плохой сохранности. Рисунок 4 занимает торцовую часть глыбы, многие участки можно было определить наощупь. Рисунок представляет собой композицию из двух личин: на голове основной законченной личины расположена вторая с незаконченными очертаниями.

Верхняя личина. *Характеристика внешней контурной линии.* Рисунок не имеет общего контура, но каждая ее часть окружена линией – желобком. Контуром очерчен подбородок, он вдвое уже, нежели участок глаз, конусовидной формы и прямой в основании. *Описание внутреннего заполнения личин.* А) *Наличие симметрии.* В деталях и в общем облике асимметрична. Б) *Разделение элементов рисунка на составные части.* Личина зрительно разделяется на четыре части: левый глаз, правый глаз, в третьей части – рот и подбородок; четвертую часть составляют левая и правая конечности. В) *Характеристика составных частей личин.* 1. Левый глаз выполнен огибающей несомкнутой линией – желобком в виде спирали. На конце линия чуть расширена, с прямым завершением. Глаз несколько вытянут по горизонтали, зрачок выпукло-рельефный. 2. Правый глаз выполнен аналогичными приемами, соблюдены правильные окружности. Выпукло-рельефный круг не сомкнут в верхней части. Оба глаза держатся на желобчатых линиях, как на ветках. 3. Подбородок сужается к прямому основанию, которое лежит на тонких конечностях. Рот овальный, вытянут по горизонтали и немного сдвинут влево, под ним крупная ямка. Справа у подбородка обозначен угол, он вливается в правую конечность. 4. Левая и правая конечности. Обе конечности снабжены короткими отростками, с их помощью верхняя личина держится на нижней личине. Они исходят непосредственно от подбородка в разные стороны. Левая конечность представляет собой тонкую линию, которая охватывает череп нижней личины. К ней относится короткий отросток конусовидный и закругленный на конце, ниже фигура в виде петли показывает согнутую в суставе конечность. Правая конечность вытянута линией параллельно черепу нижнего персонажа. В нижней своей части конечность изогнута под углом 90 градусов, вытянута прямо и делится на два отростка под прямым углом друг к другу. Нижние отделы обеих конечностей напоминают присоски для плотного закрепления на какой-либо поверхности, в данном случае, на черепе нижней личины. Г) *Характеристика лобной части.* Лобная часть отсутствует.

Нижняя личина. *Характеристика внешней контурной линии.* Нижняя личина имеет контур в виде гибкой линии-желобка, который подчеркивает череповидный характер изображения. Линия контура обрисовывает оба глаза, выделяя эту часть как самую широкую; ниже уровня линия контура резко (под углом 90 град.) уходит вниз, очерчивая узкий подбородок (вдвое уже верхней части). *Описание внутреннего заполнения личин.* А) *Наличие симметрии.* В деталях симметрия прослеживается слабо: глаза разные, ноздри разные, знаки ниже носа разные по начертанию; симметричен знак на лбу: угол с одинаковыми сторонами, соответствующий центру подбородка. Но между этими точками ничто не совпадает по оси. Нет симметрии и за пределами контурной линии. Личина асимметрична в деталях, при этом общий облик внутреннего заполнения гармоничен. Б) *Разделение элементов рисунка на составные части.* Условно делится на пять составных частей: глаза, нижняя часть личины (ноздри и рот), лоб, левая и правая стороны рисунка. В) *Характеристика составных частей.* 1. В наиболее широкой части рисунка размещены глаза и они являются центром внимания зрителя. Оба выполнены в одной манере: зрачки показаны выбитыми ямками в кругах. Вокруг правого глаза круг более широкий и глаз выглядит более крупным. Они расположены асимметрично: правый расположен ближе к центру и подчинен вертикальной оси, а левый смещен к боковой линии. 2. Нижняя часть состоит из рта и ноздрей. Ноздри в виде двух круглых ямок, из которых левая больше правой. Рот в виде двух крупных кружков: левый поменьше, правый крупнее и немного сдвинут вниз. 3. Лоб имеет купольную форму, содержит один символический знак в виде угла с одинаковыми сторонами, он опирается в участок между глазами. 4. Характеристика правой стороны. На правой стороне от глаза и подбородка начертаны два отростка: верхний загнут вовнутрь, а нижний тянется вверх, на конце он рассечен надвое. Отростки не соединяются. Они как бы ограничивают крупную округлую выпукло-рельефную фигуру, которая не сохранилась полностью. 5. По левой стороне внизу от подбородка тянутся три тонкие короткие линии, они не касаются внешнего контура личины. Это также могут быть несохранившиеся детали облика личины или знаки. Г) *Заключение по рисунку и содержанию*

художественного образа. Рисунок создан в мотиве гибкой кривой линии. Он представляет собой композицию из двух персонажей, расположенных двумя этажами. Верхний персонаж прочно укрепился на нижнем с помощью гибких конечностей. При этом он по своим художественным особенностям занимает подчиненное положение по отношению к нижнему персонажу. Последний являет более законченный и цельный образ. Рисунок представляет устрашающую череповидную личину, на голове которой расположена бесконтурная череповидная личина с конечностями. Нижняя личина подчеркнута асимметричная, с разными глазами, ноздрями, частями рта. Символ в виде угла на лбу часто встречается на личинах в памятниках региона, возможно, это знак племени или отдельной фратрии, он несет социальную нагрузку. Внешний контур подчеркивает облик черепа. Назначение нижнего рисунка связано с устрашением зрителя, а также с целым пучком представлений: традицией восприятия черепа как знака культа предков, прародителей представлений о рождении и смерти. Верхняя личина не обрисована полным внешним контуром, линия нижней части контура как бы держит два автономных глаза. Она имеет свое особенное назначение: с одной стороны, она несет облик черепа и причастность в теме предков и нижнего мира, с другой стороны, она выглядит незаконченной, подчиненной нижнему персонажу. Несамостоятельность верхней личины подчеркнута оригинально, а именно тонкими гибкими конечностями с присосками. Она привязана к нижней личине своим функциональным назначением и неразрывна с ней, что можно воспринимать как статус младшего персонажа в мифе. Отсутствие симметрии в чертах личин, их внешняя диспропорция свидетельствует о нарушении внутренней гармонии. Отталкивающая и устрашающая внешность являются признаками иного мира, они выброшены из гармоничного пространства и обитают в демонической сфере мироздания, которая отнесена к нижнему миру. Их облик ассоциируется со злом и смертью.

По опыту изучения петроглифов региона Нижнего Амура сложились представления об изменении модели мира в конце эпохи материнского рода и формирования патриархата, соответствующих концу каменного века и началу освоения металлов (V–III тыс. л. н.). Архаическая двухчастная модель вселенной с небесной и земной сферами преобразуется в модель с тремя сферами. Появились представления о третьей, подземной области, населенной душами предков и злобными существами. Женские мифологические персонажи могут переместиться из небесной – в подземную сферу, где души умерших поглощаются подземными властителями и перерождаются. Исследуемая двойная личина по своему облику более подходит к перемещенным в нижний мир двойным рожаницам.

Теоретическое обоснование культа мифических двойных женских персонажей в модели мира древнего человека. Появление в древности культа двойных женских мифических персонажей разработано и обосновано академиком Б. А. Рыбаковым [13; 14]. Им проведено исследование семантического содержания группы глиняных парных фигурок как бы сросшихся женщин в коллекциях материалов земледельцев Балкано-Дунайского региона. Они не были единичными, значит, речь шла о культе двух, тесно связанных друг с другом, женщин [14, с. 224–225]. Подобные композиции оказались распространенными и в ранней Трипольской земледельческой культуре. На поселениях Липканы, Трушешти и др. часто встречались двойные женские фигурки, в том числе в композиции перед алтарем изображались как подательницы дождя и как рожаящие матери [14, с. 273–274]. Скульптурки несли в себе идеи о богинях-подательницах дождя и влаги, урожая на полях, а также рождения, как зерна в поле, так и потомства в семье. Двойные женские персонажи нашли свое место и в дошедшей до нас мифологии. В крито-микенских текстах прославляется пара женских богинь, подательниц жизни и благ, Артемида (дочь) и Лето (мать), они утвердились и в греческой мифологии, хотя известны и греческие богини – мать Деметра и ее дочь Кора (Персефона) [14, с. 483, 486]. Подобная женская пара имеется и в славянской мифологии: Лада – покровительница свадеб, ее дочь Леля – покровительница деторождения и младенцев. Среди славянских языческих божеств большое значение играл Род, при нем всегда изображались две его помощницы – рожаницы мать и дочь [14, с. 629]. Подобные парные рожаницы известны и в Южной Прибалтике. Ученый назвал рожаницами все двойные женские персонажи. Он показал в своих работах широкое распространение как географически (Северная Евразия), так и хронологически (от позднего палеолита до этнографического времени), культа двойных женских рожаниц, дарительниц жизни. Им прослежены эти образы в изобразительном творчестве: наскальном искусстве, орнаменте древних сосудов, скульптуре и глиняной, металлической и деревянной мелкой пластике, в вышивке, деревянной и каменной резьбе; в устном народном

творчестве, в обрядах: свадебных песнопениях, охотничьей мифологии. Обширный фольклорно-мифологический пласт архаических образов двух небесных женщин сохранился также в преданиях шаманской культуры охотников Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Северные народности, сформировавшие охотничье-скотоводческие культуры, сохранили вплоть до начала XX в. древние представления о полуживотных богинях, старшей и младшей, которые покровительствовали таежным охотникам и оленеводам. Они были подательницами благ в виде потомства оленей, удачной охоты и увеличению промыслового стада, рождению семьи охотника-скотовода и появления потомства. Б. А. Рыбаков раскрыл семантику композиции на камне неолитических петроглифов Чалмы-Варрэ Кольского полуострова. Плоскости камня покрыты изображениями двух женских фигур в позе рождения и вокруг них показано множество новорожденных оленят [14, с. 664–665]. А. А. Попов в шаманской мифологии самоедов, и А. Ф. Анисимов, систематизировавший картину представлений о мире народностей Севера и Дальнего Востока, свидетельствуют о распространении двойных (матери и дочери) полуживотных персонажах верхнего мира [2; 13; 14]. А. А. Попов в своей книге о культуре самоедов тавгийцев приводит рассказ шамана о его путешествии в некие миры, где он слышит речи от скалы и от животных; попадает в то место, где живут две голые женщины с рогами на головах и разговаривают с ним как с будущим шаманом. Одна из них при нем родила двух оленят, которых выпустила в разные выходы, чтобы они служили – один для пользы тундренных людей (тавгийцев), а другой – для лесных людей (долган и эвенков) [12, с. 88–87].

Б. А. Рыбаков выделил глубокое смысловое мировоззренческое направление, которое берет начало от первых позднепалеолитических женских изображений охотников на мамонтов и доживает до этнографической эпохи (времени фиксации учеными живой устной традиции). Представленные им аргументы доказывают наличие культа пары женских персонажей, дарующих жизнь в человеческом коллективе и в промысловом стаде. Они всецело позитивны, несут добро и жизнь.

Заметим, что мировая культура не знает примеров двойных мужских мифических персонажей, выступающих воедино. Известны представления о мужских культурных героях, занимающих противоположные позиции, противостоящих друг другу и воплощающих добро и зло, как два разных полюса мироздания. Это направление разработано А. М. Золотаревым в 1930–1940-х гг. Оно опубликовано в виде монографии в 1964 [5].

Опираясь на очерченный теоретический базис, изображения двойной личины на камне № 62 нами отождествляются именно с женскими парными персонажами, мифологическими рожаницами. В архаическом мировоззрении каменного века их функции заключались в помощи человеку и всему живому, они представлялись в преданиях небожительницами, женщинами полуживотного облика, освещенными солнечными лучами. К ним обращаются с просьбами о помощи в деторождении, в увеличении промыслового стада и облегчении участи обитателей земного мира [2, с. 28–29; 12, с. 88–89]. Но внешний облик изучаемых личин на камне № 62 свидетельствует об утрате чувства любви и дарения жизни, в своем облике они несут страх смерти. Хотя не следует исключать возможность дарования жизни через ужас горнила смерти, что соответствует представлениям об умирающем и воскресающем божестве [15, с. 340–345]. Такие представления характерны для всех народов в древности, не исключаются они и для культуры оседлых рыболовов Амура. В изображении двойной череповидной личины можно увидеть продолжение мифологической истории пары рожаниц в иную эпоху, когда формируются представления о единстве рождения и смерти, о возрождении через смерть.

В предлагаемой концепции интерпретации двойная череповидная личина является частью комплекса «столб людоеда», которая выявлена автором на камне № 62 [9, с. 161–164]. Главный герой идеограммы изображен как устрашающая череповидная личина (рис. 1). Он олицетворяет сакральное лицо, верховного духа и руководителя обряда с каннибализмом. Двойная личина (рис. 4) олицетворяет помощниц верховного духа-людоеда и хозяек нижнего мира, которые переместились из небесной сферы в нижнюю. Это вторая часть идеограммы. Третьей частью является контурная личина, состоящая из трех ямок (глаза и рот) (рис. 3), олицетворяющая жертву обряда с каннибализмом. Она изображается без каких-либо знаков-признаков: погибшая жертва лишена социальной символики, отражающей принадлежность к племени, фратрии и другим социальным группам (рис. 3).

Метаморфозы мифологических женских персонажей соответствуют социальным переменам конца каменного века, эпохи бронзы и раннего железного века. Именно тогда мужчина начинает занимать в социуме главенствующее положение, оттеснив женщин в сферу семьи.

Благодаря этим социальным переменам в космологических мифах появляются сильные властные мужские персонажи. А прежние праматери всего сущего, хозяйки водного мира, земли или тайги становятся супругами хозяина природной сферы, либо выдворяются из верхнего мира в нижний и обретают соответствующие черты, становятся злобными хозяйками преисподней [2, с. 37–39, 41].

В процессе художественного осмысления коллективами новой мифологии неизбежно должны возникать персонажи с обликом двойных личин или неких противоречивых признаков. Наличие разных глаз в облике мифологической героини может свидетельствовать о прежнем пребывании в верхнем мире, когда она, как прародительница, содержала в себе еще и астральные качества. Разные глаза в изображениях женских героинь, как правило, означают связь с солнцем (большой глаз) и с луной (малый глаз), самих героинь отождествляют с небесной сферой. К новым чертам облика относится череповидный контур личин. Верхняя личина – это персонаж, в прежние времена занимавший место второй (младшей) рожаницы, он превращается в помощника хозяйки преисподней, воплощенной в нижней личине композиции. Но и этим не завершается их мифологическое бытование. В рассматриваемой структуре «столба людоеда» хозяйкам нижнего мира отведено место рядом с главной фигурой сакрального действия. Это означает, что и в системе ценностей верховного духа танцора-людоеда они занимают важное место, возможно, олицетворяют нижнюю часть структуры мира или, собственно, самую смерть, которая дает возрождение. Через горнило смерти проходит все живое и заново возрождается. Представления об умирающем и воскресающем боге составляют сердцевину картины мира древних цивилизаций [15, с. 340–345].

Выводы. Итоги наших исследований заключаются в интерпретации смыслов изображения двойных череповидных личин на камне № 62: 4 памятника Сикачи-Алян-Мальшево. В процессе анализа рисунков был выделен ряд признаков, раскрывающих их смысловое содержание: 1. Сопричастность друг другу двух личин. 2. Женская ипостась изображений. 3. Череповидный облик и асимметричность черт, устрашающий характер персонажей. 4. Принадлежность ко второй части трехчастной идеограммы «столб людоеда». В совокупности эти признаки позволили трактовать личины как изображение двойных женских рожаниц, прежних небожителей и дарительниц жизни, перемещенных в нижний мир и получивших функцию его владычиц. Присутствие их в композиции «столба людоеда» свидетельствует о привлечении мифологии преисподней в новую картину мира, создаваемую на Амуре тайными мужскими организациями в период завершения материнского рода и формирования отцовского рода. Главенство мужчин в общественной жизни утверждалось в сознании соплеменников с помощью идеологии подчинения и устрашения. Двойные череповидные личины стали важным элементом новой модели мира в культуре оседлых рыболовов Нижнего Амура. Время их появления, предположительно, можно связывать с концом неолита и началом эпохи палеометаллов (V–III тыс. л. н.).

Список литературы

1. Альфтан В. Л. Общий очерк движения пяти охотничьих команд 2-й стрелковой бригады во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. // Приамурские ведомости. 1895. № 77 (приложение).
2. Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.–Л., 1959. 106 с.
3. Ветлицын П. И. Заметки о древних гольдских памятниках близ селения Мальшевского // Приамурские ведомости. 22 января 1895. С. 17–18.
4. Золотарёв А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск : Дальгиз, 1939. 205 с.
5. Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. 328 с.
6. Лапина З. С. К вопросу о методике описания наскальных изображений Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса // Вестник развития науки и образования. Научный журнал. 2011а. № 1. С. 66–73.
7. Лапина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : мат-лы Междунаро. научн. конф., Кемерово, 22–26 августа 2011 г. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011б. Т. 2. С. 64–68.
8. Лапина З. С. Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Усури. Хабаровск : ХГИИК, 2012. 212 с.
9. Лапина З. С. Модель мира в семантическом содержании череповидных личин Амура и Усури. Хабаровск : ХГИИК, 2015. 236 с.
10. Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238 с.

11. *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Ленинград : Наука, 1971. 335 с.
12. *Попов А. А.* Тавгийцы : мат-лы по этнографии авамских и вадеевских самоедов. М.–Л., 1936. 94 с.
13. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. № 1. С. 24–48; № 2. С. 13–33.
14. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян : переизд. М. : Русское слово, 1997. 824 с.
15. *Фрэзер Дж.* Миф об Осирисе // Золотая ветвь. М. : Изд-во политич. лит-ры, 1986. С. 340–345.
16. *Laufer B.* Petroglyphs on the Amour // American Anthropologist. 1899. № 51. Pp. 746–750. URL: <http://www.publicanthropology.org/archives/american-anthropology/american-anthropologist-1890/american-anthropologist-1899/>.

Amur Archeology: experience of interpreting the image of the double skull-shaped face of the Sikachi-Alyan Petroglyphs

Z. S. Lapshina

PhD in Historical Sciences, doctoral student of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Vladivostok; associate professor of the Department of Church-Practical and Historical Disciplines, Khabarovsk Theological Seminary. Russia, Khabarovsk. ORCID: 0000-0002-4283-7365. E-mail: Lapshinazoy@gmail.com

Abstract. Near the villages of Sikachi-Alyani Malyshevo in the Khabarovsk Territory there is a monument of petroglyphs, which occupies a central place in terms of the number (more than 200) and variety of drawings. The first printed reports about him appeared at the end of the nineteenth century. Ancient drawings attracted the attention of domestic and foreign scientists. Purposeful study of petroglyphs was carried out by a detachment of the Far Eastern Archaeological Expedition in the second half of the twentieth century: the foundation of knowledge on the Amur rock art was created. The author's research interests are focused on the research of the Lower Amur petroglyphs. The subject of study is a double disguise on stone No. 62. The purpose of the article is to describe the double disguise and interpret its semantic content. Research methods: cultural-historical, as well as the author's method of iconography of drawings of the Lower Amur disguises, tested for more than a dozen years. As a result, the concept of a double skull-like face was created as an artistic image of two mythical women involved in the three-part ideogram "ogre's pillar" located on the stone. The latter includes the mask of the supreme spirit, the second position is occupied by the double disguise we are studying, the third position belongs to the image of the disguise of the victim of the rite. The skull-shaped and terrifying appearance of the women in labor testifies to their movement from the celestial sphere of space, where they were the givers of life, to the underground, where they began to perform the functions of the lords of the underworld, the devourers of the souls of the dead, their rebirth. In the process of transition from the maternal to the paternal kind, women in labor became part of the ideology of a secret male social group that formed ideas about the lower world and the inevitability of death, as well as the mythology of the three-part "cannibal pillar". Fourteen complexes of similar content were identified by the author in Sikachi-Alyan, Sheremetyevo, on the Kiya River. Double skull-shaped faces as an integral part of the ideogram were found only on stone No. 62.

Keywords: iconographic analysis, double rozhanitsy, mythological character, ideogram "ogre's pillar".

References

1. *Al'ftan V. L.* *Obshchij ocherk dvizheniya pyati ohotnich'ih komand 2-j strelkovoј brigady vo vremya ekspedicii po issledovaniyu Ussurijskogo kraya letom 1894 g.* [A general outline of the movement of five hunting teams of the 2nd Rifle Brigade during an expedition to explore the Ussuri region in the summer of 1894] // *Priamurskie Vedomosti – Priamur news*. 1895. No. 77 (appendix).
2. *Anisimov A. F.* *Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa* [Cosmological representations of the peoples of the North]. М.–Л. 1959. 106 p.
3. *Vetlicyn P. I.* *Zametki o drevnih gol'dskih pamyatnikah bliz seleniya Malyshevskogo* [Notes on ancient Gold monuments near the village of Malyshevsky] // *Priamurskie Vedomosti – Priamur news*. January 22, 1895. Pp. 17–18.
4. *Zolotaryov A. M.* *Rodovoj stroj i religiya ul'chej* [The tribal system and the religion of the Ulchi]. Khabarovsk. Dalgiz, 1939. 205 p.
5. *Zolotaryov A. M.* *Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya* [Generic system and primitive mythology]. М. 1964. 328 p.
6. *Lapshina Z. S.* *K voprosu o metodike opisaniya naskal'nyh izobrazhenij Amuro-Ussurijskogo petroglificheskogo kompleksa* [On the issue of the methodology for describing rock carvings of the Amur-Ussuri petroglyphic complex] // *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. Nauchnyj zhurnal – Herald of the Development of Science and Education. Scientific journal*. 2011a. No. 1. Pp. 66–73.

7. Lapshina Z. S. *Lichiny petroglifov Amuro-Ussurijskogo kompleksa: struktura risunka i hudozhestvennyj obraz* [Disguises of petroglyphs of the Amur-Ussuri complex: the structure of drawing and artistic image] // *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoj pisanicy : mat-ly Mezhdunarodn. nauchn. konf., Kemerovo, 22–26 avgusta 2011 g.* – Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk Scribble : Materials of the International Scientific Conference, Kemerovo, August 22–26, 2011. Kemerovo. Kuzbassvuzizdat. 2011b. Vol. 2. Pp. 64–68.
8. Lapshina Z. S. *Arhaicheskaya model' mira v naskal'nyh risunkah Amura i Ussuri* [Archaic model of the world in the rock paintings of Amur and Ussuri]. Khabarovsk. KhSIIK. 2012. 212 p.
9. Lapshina Z. S. *Model' mira v semanticheskom sodержanii cherepovidnyh lichin Amura i Ussuri* [The model of the world in the semantic content of the skull-like larvae of Amur and Ussuri]. Khabarovsk. KhSIIK. 2015. 236 p.
10. Okladnikov A. P. *Liki drevnego Amura* [Faces of the ancient Amur]. Novosibirsk. Western-Sib. Publishing house. 1968. 238 p.
11. Okladnikov A. P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. L. Nauka (Science). 1971. 335 p.
12. Popov A. A. *Tavgijcy : mat-ly po etnografii avamskih i vadeevskih samoedov* [Tavgians : materials on the ethnography of the Avam and Vadeyev Samoyeds]. M.–L. 1936. 94 p.
13. Rybakov B. A. *Kosmogoniya i mifologiya zemledel'cev eneolita* [Cosmogony and mythology of the farmers of the Eneolithic] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet archaeology*. 1965. No. 1. Pp. 24–48; No. 2. Pp. 13–33.
14. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnih slavyan : pereizd.* [Paganism of the ancient Slavs: reprint]. M. Russkoe slovo (Russian Word). 1997. 824 p.
15. Fraser J. *Mif ob Osirise* [The Myth of Osiris] // *Zolotaya vetv' – Golden Branch*. M. Publishing House of political lit., 1986. Pp. 340–345.
16. Laufer B. *Petroglyphs on the Amour* // *American Anthropologist*. 1899. No. 51. Pp. 746–750. Available at: <http://www.publicanthropology.org/archives/american-anthropology/american-anthropologist-1890/american-anthropologist-1899/>.